

Еврейский театр

Бенефис С. И. Эйдельман.

«Ди пуге кречме» — пьеса той полосы еврейского модернизма, в которой часто звучат Пишбышевский и Андреев. Пьеса изображает мрачное и ужасное, загадки и темные стихи жизни; ее настоящие герои — черты в человеческой душе, глазах, сердце. Соответственно этому, пьесы эти искали и того импрессионистского и символического театра, который по сути равен русскому условному театру ранней поры Мейерхольда. Темные пропасти, провалы, стерегут пути человеческой любви, они скрываются за ненадежными стенами и вдруг вспыхивают пожаром, сжигающим пустую корчму. И человеческая душа, для автора, — такая пустая корчма для древнего хаоса, ночных и темных, подсознательных сил духа. Но это явные изломы еврейского декадентства.

Сыграть это трудно. Метерлинковская мистика обыденного, мистика черной курицы, преломленная через еврейский бытовой театр, отзывается комическим каким-то привкусом.

Но Эйдельман спасает Мейте. Ей удается очищенной, облагороженной и строго сдержанной, почти скупой на средства, игрой создать удивительное и убедительное представление об этой полудевочке, полуведьме. Игра контрастами, переходы от одного полюса к другому и их равновесие — несомненное мастерство, прочувствованное и сделанное. Есть намеки тайные в будничных вещах, есть необычайные пропасти в сердцах — об этом говорила она со сцены. Ее детские-неуклюжие движения и интонации двойлись: так плавают по поверхности, когда чувствуют дно. Под ними хаос шевелился.

Эйдельман, думается мне, едва ли не последняя артистка того полуреалистического театра, который возник на развалинах Гордина и утончился ядами раннего декадентства. Гирибейн мог мечтать о такой артистке и о таком исполнении Мейте. Еврейский театр надломился на Эйдельман, она на самом надломе. Оттого есть что-то разорванное и больное в ее игре. Она уже, несомненно, утерла все ключи от бытовой, сочной, натуралистической игры. Бытовые черточки роли, бытовые облики у нее легко спутать, они невыразительны и бледны. Дочка корчмаря и богатая невеста, гординовская женщина и хозяйка гостиницы — все это не находит в ее игре бытовых красок, живописи характерной, этнографической. Стержень ее игры и ее ролей — психологический, и только психологический рисунок роли ей удается. Я сказал бы, что для нее роль — система душевных движений, чертеж страсти, а не схема внешних особенностей — социальных, национальных и т. д. Типическим она не владеет вовсе (сравните с Рубиным — талантливым зарисовщиком внешнего). Оттого внешние приметы ее ролей тусклы и невзрачны. Но как верно звучит ее голос в нешироком круге ее любимых тонов, как выразительна ее речь и метки жесты, когда она рисует и играет душу. Есть актеры дающие фотографии ролей; есть такие, что дают лишь приметы по паспорту; есть выделяющие скульптурные мас-

ки; есть поющие о своих ролях музыкально — и еще много-много коммат есть в доме театра. Эйдельман дает как-бы душевный дневник своих ролей. Это без сомнения интимная и психологическая игра прежде всего. Ее беда приходит к ней тогда, когда она хочет играть внешние приметы ролей — типические особенности, общепринятые шаблоны театральных амплуа героини, кокет и т. д. остальные исполнители в большинстве подопли слишком плотно, весомо, по бытовому к полу-отвлеченным образам пьесы. Отвлеченный стиль речи есть у Эйдельман больше, чем у кого бы то ни было. Но все же и здесь были хорошие исполнения. Рубин сыграл слышит Ицка, создал облик напряженный, острый, страстный, только очерк — сухой, бескрасный, от грима и до прекрасного «Твору», кончающего III акт. Он еще раз за этот сезон показал себя талантливым, разнообразным актером с совершенно неустанно возможными, но он меньше всего опереточный герой. Он умеет менять приемы, стиль, характер, задания игры — от Ицка до Дорф юнг, от ребе в Дыбуке до неудачного Акосты.

Клебанова, у которой всегда боишься напряженного, с нажимом, изображения, очень мягко и с поражающей простотой тона, свойственной только хорошей бытовой артистке, сыграла Хиене.

Карикатурен и хорош (чуть из Дыбука) Триллинг (Айзик). Эбенгольд (Шахне) мягко сыграл старика — без того горланного, горлового, напряженного, что почему-то приликает ко всем спектаклям. Систематическую ошибку делает труппа, поручая Каминскому первые роли — от героев любовников и до характерных и драматических фигур. В них этот малоопытный актер губит и себя и роль. Его бессомношность жалко видеть. А между тем это в каждом почти спектакле. И актер мог найти себе по плечу работу в труппе, и труппа подходящего исполнителя всякий раз для этих ролей. Его жесты, интонации, грим, то чудовищно-злодейские, то томно — слащавые, недопустимы в этих ролях.

ГАСТРОЛИ

— В среду 16 с. м. в театре им. Свердлова начнутся гастрольные спектакли труппы под упр. А. Я. Азагаровой, при участии артистки В. Ф. Драга. Состав труппы хорошо известен гомельской публике. Пойдут «Страсть», «Дама из Торжка» и др. Всего предложено 5 спектаклей.

— В субботу 19 с. м. начинаются спектакли Харьковского театра «Красный Факел». В репертуаре «Саломея», «Младость», «Собака садовника» и др. Театр даст 15 спектаклей. О характере работ этого молодого и интересного театра сообщалось уже у нас в газете.

— Дирекцией гостеатров ведутся переговоры с группой киевских артистов о гастролях в Гомеле этим летом. Предложена организация труппы «комедия» с участием Кузнецова и Алексеевой-Месхиной для летних гастрольных поездок.

— Ведутся переговоры с московским еврейским камерным театром о гастролях в Гомеле после поездки театра в Минск. Принципиальное соглашение достигнуто.